

Непокоренные

О новой повести Василя Быкова

...Уж никак не думал, не гадал Петрок Богатка, хоть и привык смолоду к своему невезению, что настанет час, и его, немощного старика, со связанными руками поволокут с хуторского подворья в полицейский участок. Поволокут на тех самых вожжах, которые он пожалел сдать — были они тогда новые! — в общественное пользование при организации колхоза в Выселках. И будет его, уже обреченного на смерть («За оскорбление полиции. И фюрера»), нещадно подхлестывать прутом старший полицей Гуж. Тот самый Гуж, что в начале коллективизации охотился с обрезом за районным уполномоченным и грозился пустить «петуха» под крышу Петроку, приходившемуся ему дальним родственником по де-ду.

Степанида Богатка — и без тех разбойных посулов Гужа — всегда боялась пожара. «Не раз ей даже снилось ночью, как горит ее Яхимовщина». Но спустя годы дело примет такой оборот, что именно она собственноручно запалит родное подворье, а с ним вместе предаст огню и самое себя... Так — и у последней черты! — она не покорится палачам, уже подступившим к ее хутору, сама распорядится своей судьбой.

Да, гораздо жизнь на злые каверзы и сюрпризы! Особенно, если кругом — война, ломающая все привычное, устоявшееся. Тут игре слепого случая и вовсе открыт простор. Василь Быков всегда учитывал это. На негладном стечении обстоятельств многое замешено в его военной прозе. Но вторжением в ход повествования тех или иных случайностей только рельефнее оттеняются сложная диалектика бытия, логика человеческих характеров, изображаемых художником.

Видимо, нужно было время, чтобы к писателю-фронтовику, словно бы охваченному лихорадкой жестокого, нескончаемого длящегося в его бессонной памяти боя, пришла вдруг властная потребность взглянуть в ту жизнь, что вершилась в отдалении от солдатских окопов и партизанских троп. Чутко прислушаться к биению сердца, горьким думам тех своих сограждан, коим довелось до дна испить чашу страданий и унижений под пятой оккупантов и их прихвостней. Вместе с житейскими заботами и тревогами Степаниды и Петрока, вместе с жестокими изломами и трагическим исходом их судьбы в художественный мир Быкова входят, раздвигая его социальные горизонты, углубляя историческую перспективу, новые существенные темы и мотивы.

Что есть человечность, что делает ее неистребимой? Как соотносятся в ее живых проявлениях духовный опыт индивидуума, его личная воля и нравственные законы социальной среды, мораль класса и общечеловеческие представления о добре и зле? В круг этих нестаряющихся вопросов вводит нас повесть «Знак беды» («Дружба народов», №№ 3, 4, 1983 г.) в центре которой — подлинно народные характеры.

Степанида «привыкла судить о большом по малому, о мире — по своей деревне. И она не ошибалась. Она знала, что хорошие люди не поступают подло ни по своей воле, ни по принуждению». Перед лицом тяжких испытаний, в «пограничных ситуациях» все-го легче обнаруживается человеческая несостоятельность. Не случись войны, тот же Антос Недосека был бы, наверное, «как все». И не стали бы столь очевидными нравственная ущербность, бесхребетность, которые привели его, в прошлом безземельного крестьянина, комбедовца, в стан палачей. Он каждый раз с теми, на чей стороне сегодня сила. И легко становится посылным орудием чужой злой воли. Для Степаниды Недосека из тех, что «от природы слепы ко всякому проблемному человечности, заботятся лишь

о себе», «дальше своего корыта им не дано видеть». Для них, движимых утробным своекорыстием, человеческое достоинство — слишком отвлеченное понятие, не имеющее реальной цены.

Проверки на подлинную человечность не выдерживает и Корнила Богатка, хоть он и кажется человеком иного, чем Недосека, более надежного закваса. До крайности прижимистый, Корнила и неразрешившуюся немецкую бомбу припрятал: авось, и от нее какой-то прибыток будет. И со спокойной совестью выменяет эту бомбу на степанидино поросенка — единственную оставшуюся у старухи живность.

Неумная жажда накопительства всегда идет рядом с зоологическим эгоизмом, глухой к чужому горю, с равнодушием к народным бедам. «Я же думаю, ты не за немец?» — спрашивает Степанида Корнилу. И тот отвечает: «Ни

за тех, ни за других. Я за себя». В холуи немецкие он не напрашивается, перед полициями не выслуживается. Но и о противодействии им не помышляет.

Кто только «за себя» — неизбежно деградирует как личность. В условиях войны тем более. Нейтралистские иллюзии, стремление быть «над схваткой» всегда были и будут чреватые крахом. В судьбе Корнилы старая эта истина нашла еще одно убедительное подтверждение. Не отсиделись он в своей усадьбе-крепости («Совсем кулацкая усадьба», — подумала Степанида. — Неплохо обжилась Корнила»). Пришлось и ему переселиться в полицейскую кутузку...

Петрок и Степанида предстают нашему взору на значительном пространстве их жизненного пути. На крутых поворотах судьбы. В росте их человеческого и классового самосознания. В слиянии тех духовных качеств, что идут от вековой традиции, от устоев народной трудовой нравственности, и тех, что уже помечены новым, советским временем. Психологические портреты главных героев написаны с той вельфностью и тщательностью, которые делают их души открытыми до самого доньшка.

Вдосталь помытарил жизнь Петрока и Степаниду. Не только в годы их батрацкой юности. Но и позже, когда были они хозяевами собственного надела — двух десятин хуторской земли. Высосала из Петрока все силы добровольная каторга землепашца, вынужденного один на один сражаться с неудобью («камени, суглинок, который в засуху выветривался как скала»), с коварством природной стихии, прочими превратностями крестьянской доли. Стал для него и Степаниды собственным наделом рвущей жилы «гоголой» (этот образ-метафора впечатляюще, в богатстве жизненных реалий развернут в повести). И потому не цеплялись они за старое, когда встал вопрос о создании колхоза. Нечего было им в том старом жалеть и оплакивать. И таких трудяг-единоличников, изверившихся в возможности порознь избыть беспросветную нужду, обеспечить себя хлебом насущным, были тысячи и тысячи... Коллективизация открыла для

них путь к спасению, к подлинно человеческому существованию. Не обошел автор и «перегибов». Поданы они даже с некоторым нажимом. И это вынуждает заметить, что участвовавшие в книгах последних лет акцентирование именно этого момента в осуществлении исторически назревшего революционного акта становится неким поветрием, своего рода «перегибом» — далеко не безвредным — в освещении важнейшей страницы истории села.

Для Степаниды и Петрока, хоть они и не нажили при новой власти богатых хором, никакими привилегиями не пользовались, нашествие гитлеровцев — великая беда, беда народная и их личная, тяжкая напасть («Это как мор, чума или язва»...) Во всем их поведении ощущим глубинный, естественный, как дыхание, патриотизм.

В присутствии непрощенных гостей, нагнавших на природный хутор, каждый из стариков ведет себя сообразно своему характеру и темпераменту. Петрок, и в мыслях неспособный сделать никому зла, настраивает себя на то, что «надо как-то переждать дикое время, затаиться, притихнуть, а там, глядишь, изменится что к лучшему. Не вечно длиться этой войне!»

Иное дело — Степанида. Она не Петрок, который легче уступит, чем добьется своего. Деятельная и решительная, Степанида не скрывает своей враждебности к оккупантам и полициям, стремится, чем только можно, досадить, навредить пришельцам. Молока — столько, сколько им хочется, — они от нее не получают. Недосчитаются немцы и винтовки, которая, по воле хозяйки хутора, окажется в колодеце... «На счастье или на беду, она знала, в чем ее хватит с избытком, от чего она не отречется, хотя бы на краю гибели. За свою трудную жизнь она все-таки познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом».

Война — школа ненависти для жертв агрессии. Она, эта ненависть, порождается и питается не абстрактными представлениями, а конкретностью жизненного опыта. Процесс обретения подобного опыта Степанидой, духовный процесс выработки и закрепления «сознательной, активной героической ненависти к подлому врагу» (Горький) — важный аспект сюжетного движения повести.

Для гитлеровцев Петрок и Степанида — не более, чем принадлежность окружающей обстановки. Ведут себя с ними представители фашистского воинства как прилежные ученики своего бесноватого фюрера, требовавшего «закрывать сердце всякой человеческой жалости». Можно не только учинить полный разор на огороде и в саду, пострелять хозяйских кур, прикончить их единственную корову, но и революционной цепью отхлестать женщину, вполне годящуюся по возрасту тебе в матери. Что за печаль — жалобы и причитания жалкого старика! В него можно — если уж тебя так распирает от молодой сытой веселости — запустить огрызком яблока, а то и дать пинка под зад...

В структуре повести «Знак беды» обе эти фигуры — Петрок и Степанида — одинаково важны. Важны как раз ввиду если не полноты, то несхожести характеров, контрастности темпераментов. Если уж и в душе такого незлобного и покладистого существа, как Петрок (а был он, замечает автор, «таким, как и большинство в Выселках»), если и в этой душе вспыхивает дух непокорства, — созревают грозная гнева — значит «новый порядок», насаждавшийся на нашей земле гитлеровцами и их прислужниками, был несовершенным с самим человеческим естеством, посягал на

сacroнное — право человека оставаться человеком.

«Героическая ненависть» — оружие исторической, нравственной правоты. Носитель ее заряжен для действия, духовно созрел для подвига. Такой и предстает быковская героиня в конце повести. Почти былинным духом веет от грозной одержимости Степаниды, из последних сил одолевающей неподъемную тяжесть фашистской бомбы, дабы надежнее укрыть ее от стороннего глаза. Всем существом старой крестьянки, еще толком не знающей, как придется распорядиться смертоносным грузом, правит в этот миг священный гнев против предателей и убийц, бесчинствующих на родной земле. Эта Степанида «охваченная неодолимой жаждой мести», наверняка уже не бросит в колодез немецкую винтовку, а подумает, как использовать ее по назначению...

Двудеинный сюжетный нерв повести — нарастающее осознание Петроком и Степанидой своей обреченности и постепенное истаивание, угасание в их душах страха за свою жизнь. От неминуемой беды ничем уже не откупиться, не оборониться. Но мысль о близости, роковой неотвратимости гибельного исхода отнюдь не парализует воли Степаниды («Разве теперь страх — поводры!»). Не только в этой сильной духом женщине, но и в более слабом Петроке власть инстинкта самосохранения отступает перед внутренней силой иного, более высокого порядка. Силой духовной — чувством человеческого достоинства. Судьбами Степаниды и Петрока писатель утверждает, что в человека, сколь бы немудомыслим не были тиски обстоятельств, всегда остается возможность последнего выбора — предпочесть смерть бесчестию, подлости, предательству.

На израненной белорусской земле немало ярких символов непокорности и мужества. Достаточно вспомнить хотя бы Брестскую крепость. Но главные непокорные гитлеровцами крепости — в душах миллионов советских патриотов, отринувших страх смерти. Степанида — из их числа. Она — народный мститель, хотя и нет на ее счету убитых врагов. Она делает полицейев и их хозяев пленниками страха: кто знает, где и когда грохнется упрянтая ею бомба? Ведь тайну ее местонахождения Степанида унесла с собой...

Есть в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского слова, словно бы высвечивающие смысл последнего шага Степаниды: «Тебя повели, избивают — не сгибайся. Не можешь пошевелиться, уже связан, положен, заткнут рот — выплюнь кляп в лицо палачу. Гибнешь, топор падает, на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой».

Смерть Степаниды — патристическая «работа».

Любой реальный хутор — всего лишь некая точка на карте планеты. Даже глазом не различима. Но у искусства свой масштаб. Нанесенное на его «карту» рукой подлинного художника становится видимым отовсюду. Потому и не затеряется на ней быковская Яхимовщина, где протекала нелегкая жизнь Петрока и Степаниды, где родились их дети, вшедшие сражаться с врагом.

Конечно, не для того только, чтобы еще раз напомнить, как все это было, привел белорусский прозаик своих читателей на скромное пепелище. Ему надо, чтобы это «предупреждение из прошлого» отозвалось в сердцах ныне живущих острой тревогой за будущее. То будущее, в котором, если народы не обуздают ядерных маньяков, «знаком беды», бескрайним пепелищем может стать вся наша Земля — древняя и прекрасная колыбель человечества.

Н. ПОТАПОВ.